

Случай „folie à deux“.

Д-ра Е. А. Геника.

Казуистика индуцировавшаго помѣшательства въ иностранной литературѣ въ настоящее время довольно обширна ¹⁾. Но русская литература сравнительно бѣдна данными подобнаго рода ²⁾. Въ виду этого я и рѣшаюсь опубликовать наблюдавшійся мною случай—тѣмъ болѣе, что онъ представляетъ собою и одну важную особенность, выдѣляющую его изъ ряда описанныхъ до сихъ поръ въ нашей и въ заграничной печати случаевъ.

Дѣло въ томъ, что больныхъ приходилось наблюдать въ домашней обстановкѣ и притомъ среди здоровыхъ людей. Между тѣмъ какъ описанные до сихъ поръ случаи наблюдались въ психіатрическихъ заведеніяхъ, гдѣ, не говоря уже про искусственную обстановку, на бредъ больныхъ индуцированнымъ помѣшательствомъ такъ или иначе вліяли слова и поступки больныхъ всѣхъ другихъ категорій.

Нижеописанный случай folie à deux я наблюдалъ въ семьѣ одного зажиточнаго крестьянина деревни Лысой-Горы, Подольскаго уѣзда, Московской губерніи.

¹⁾ См. диссертацию «Ueber das inducirte Irresein» von Max Schönfeldt. Юрьевъ 1893 г.

²⁾ В. Яковенко «Индукцированное помѣшательство». Спб. 1887 г. Въ этой обстоятельной монографіи, помимо трехъ, лично наблюдавшихся авторомъ, случаевъ, собрано все, что имѣется по этому вопросу въ русской литературѣ по 1887 г. включительно.

Семья состоитъ изъ отца, старика лѣтъ 60, Е. К.—ва, старшей дочери, 36 л., Авдотьи, младшей—30 л., Мавры, и сына, 24 л., Ивана. Жена старика умерла около 3 л. тому назадъ. Старшая дочь—вдова, выдѣлена и не живетъ въ домѣ отца уже 22 года. Сынъ по зимамъ живетъ въ Москвѣ, гдѣ имѣеть хорошее мѣсто, а въ деревнѣ бываетъ лишь лѣтомъ, въ страдную пору, да по большимъ праздникамъ. Неразлучно съ отцемъ живетъ, слѣд., только младшая дочь, на которой и лежатъ всѣ хозяйственныя заботы по дому, а лѣтомъ она помогала отцу и въ сельскихъ работахъ.

Жили они до сихъ поръ вдвоемъ всегда изолированно и крайне скупо, отказывая въ помощи не только постороннимъ, но и своимъ роднымъ. Домъ ихъ, по словамъ односельчанъ, былъ полной чашей: всѣхъ запасовъ, картофеля, капусты и проч. было всегда вдоволь; хлѣбъ переходилъ на слѣдующій годъ; держали достаточное количество скотины и птицы; была припасена и копейка на черный день. Почти въ такомъ видѣ находится ихъ хозяйство и теперь.

Семейныя непріятности начались 2 г. тому назадъ; причиной ихъ явилось поведеніе сына. Однажды, въ началѣ 1896 г., Иванъ, приходя изъ Москвы домой, объявилъ о своемъ желаніи жениться и назвалъ свою невѣсту. Родитель не далъ своего согласія на томъ основаніи, что невѣста пользовалась дурной репутаціей и, кромѣ того, была на 6 лѣтъ старше жениха; Иванъ настаивалъ, но воля отца оставалась непреклонной. Тогда, поссорившись съ отцемъ, онъ пересталъ приходить въ деревню по праздникамъ и лѣтомъ для участія въ полевыхъ работахъ. Это сильно огорчило отца. Однако, въ томъ-же году, на Петровъ день, Иванъ внезапно явился въ деревню съ той-же просьбой о разрѣшеніи жениться, но получилъ и на этотъ разъ отказъ. По словамъ старшей сестры, вдовы, братъ пришелъ къ ней, послѣ разговора съ отцемъ, крайне взволнованный и потребовалъ вина; выпивъ чайную чашку водки и сразу захмѣлѣвъ, онъ сталъ говорить, что онъ убьетъ отца и младшую сестру, послѣ чего опять отправился къ отцу. Что тамъ было—никто изъ постороннихъ не знаетъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ ухода Ивана обратно въ Москву старикъ и его дочь стали жить еще болѣе замкнутой жизнью, высказывая иногда опасеніе быть убитыми или погребенными подъ грудой пожараща, при чемъ имени своего «погубителя» они не называли. Въ августѣ Иванъ приходилъ вторично—и это, какъ кажется, послужило стимуломъ уже къ открытому проявленію бреда со стороны старика и его младшей дочери Мавры; съ этихъ поръ они уже не только перестали скрывать свои подозрѣнія, но охотно и сами первые сообщали ихъ всякому, кому только не лѣнь было слушать.

18-го октября того-же 1896 года старикъ обращался къ мѣстному участковому земскому врачу съ жалобами на гастрическія боли, происхожденіе которыхъ приписывалъ отравѣ, и при этомъ высказалъ весь свой бредъ, направленный противъ сына.

29-го октября, благодаря любезности мѣстнаго участковаго врача, С. М. Михайлова, давшаго знать объ этомъ случаѣ и изъявившаго готовность сѣздить со мной вмѣстѣ къ означеннымъ больнымъ, я имѣлъ возможность лично изслѣдовать данный случай.

Изба, въ которой живутъ больные, довольно большая; въ некоторыя подробности обстановки прямо говорятъ о зажиточности хозяевъ. Но, въ общемъ, царить хаосъ и грязь; вещи брошены какъ попало и загораживаютъ всю избу. Отперли намъ не скоро (долго отодвигалась цѣлая система запоровъ), но приняли довольно хорошо и послѣ перваго-же вопроса очень охотно и пространно отецъ и дочь начали излагать свой бредъ.

Старику—60 л.; онъ—блѣденъ и крайне истощенъ; движенія—вялы, держитъ себя понуро; рѣчь—медленная, съ многозначительными паузами, почти безъ жестовъ; взглядъ—неподвижный, пристальный; въ общемъ старикъ производитъ впечатлѣннѣе челоуѣка ослабленнаго и изнуреннаго тяжелой болѣзью; жалуется на боль въ подложечной области и общее недомоганіе; въ анамнезѣ—сифилисъ, отъ котораго больной только недавно бросилъ лѣчиться (kal. jodat.).

Данныхъ о наслѣдственности получить не удалось, такъ какъ старикъ подкидывш; бездѣтные супруги, къ которымъ его подкинули, приняли его, воспитали и оставили ему все свое имущество, которое онъ, послѣ ихъ смерти, еще значительно увеличилъ.

По словамъ однодеревенцевъ, знавшихъ старика съ дѣтства, онъ былъ нелюдимъ, но отличался «большой смѣлкой»; грамота давалась ему легко. Будучи взрослымъ, считался однимъ изъ лучшихъ работниковъ на деревнѣ; вина не пилъ. Свой досугъ употреблялъ на различнаго рода приспособленія сельско-хозяйственныхъ орудій, и нерѣдко къ нему по этому поводу обращались его односельчане; въ концѣ концовъ онъ принялся за самостоятельныя изобрѣтенія и недалѣе какъ года 3 тому назадъ сдѣлалъ такую вѣялку, что привлекъ къ себѣ вниманіе не только всѣхъ своихъ односельчанъ, но и какого то специалиста (при серьезномъ испытаніи вѣялка однако оказалась негодной). Всегда онъ отличался настойчивостью; былъ скупъ, недоуѣрчивъ и подозрителенъ; съ годами эти черты его характера усилились; а теперь, съ момента заболѣванія, онъ сталъ, по выраженію одного изъ своихъ сосѣдей, «и вовсе погибать черезъ свой характеръ».

Его жена умерла 3 г. тому назадъ; была женщиной слабого характера и во всемъ подчинялась мужу. Въ нее вышла характеромъ старшая дочь, теперь—вдова, живущая своимъ домомъ, отдѣльно отъ старика. Что-же касается второй дочери, Мавры, то она, по общему мнѣнію знакомыхъ, и своимъ нравомъ и складомъ ума во многомъ напоминаетъ отца. Ей теперь 30 лѣтъ. Замужъ, по ея словамъ, она не вышла потому, что ей не хотѣлось разставаться съ достаткомъ, которымъ она пользовалась въ домѣ отца. Прежде она любила повеселиться, посѣщала хороводы и гулянки, но ничего лишняго себѣ не позволяла и жила всегда скромно, не подавая даже повода къ какимъ либо двусмысленнымъ слухамъ. Характера она была всегда живого и веселаго; неутомимо и бойко вела свое хозяйство; «рѣчица была не въ примѣръ прочимъ дѣвкамъ», по выраженію односельчанъ; въ то же время въ ней всегда проглядывали и недоуѣрчивость и какъ бы нѣкоторая подозрительность къ окружающимъ, что именно и дѣлало ее похожей на отца. Что-же касается до скупости, то въ этомъ отношеніи она даже превосходила старика: если, бывало, онъ начнетъ колебаться—дать или

не дать комунибудь взаймы денегъ, хлѣба и проч., то она всегда усильвала «разговорить» его и прямо и рѣзко отказывала не только постороннимъ, но даже своей родной сестрѣ. Съ отцемъ она жила, однако, дружно и никогда ни о какихъ ссорахъ между ними не было слышно. Другъ безъ друга они никакихъ дѣлъ не рѣшали; во всѣхъ случаяхъ старикъ говорилъ: «вотъ, постой, придетъ Маврунька—тогда и поговоримъ»; точно также, если къ ней обращались съ какими-нибудь просьбами, то она всегда ссылалась на своего отца. Тѣмъ не менѣе, по заявленію односельчанъ, «Мавра не выходила изъ воли родителя».

Мавра—хорошаго роста и крѣпкаго сложенія дѣвушка: румянецъ во всю щеку. Никогда никакими тяжелыми болѣзнями она, какъ говорятъ, не страдала. Изъ дегенеративныхъ признаковъ, на мѣстахъ удобныхъ для исследования, удалось отмѣтить лишь двойной клыкъ справа и сверху. Исследования нервной системы произведено не было въ виду особенностей обстановки. Въ общемъ она, со времени своего настоящаго заболѣванія, по замѣчанію сосѣдей, довольно значительно похудѣла; и дѣйствительно, несмотря на румянецъ и проч., она производитъ впечатлѣніе человека усталого, истомленнаго: вялое выраженіе лица, тусклый взглядъ, большая синева вокругъ глазъ. При разговорѣ она какъ бы прѣдитъ слова черезъ зубы—признакъ, который, какъ говорятъ, появился у нея лишь съ момента заболѣванія. Рассказывая что-нибудь или отвѣчая, она сопровождаетъ свою рѣчь массою жестовъ, оживленно поворачивается во всѣ стороны, перебиваетъ часто рѣчь отца и тотъ нерѣдко останавливается напорывъ строгимъ замѣчаніемъ.

Старикъ очень толково и обстоятельно рассказалъ о своей ссорѣ съ сыномъ. Запрещая ему жениться на женщинѣ съ дурной репутаціей (развратница, воровка) и притомъ старше его на 6 лѣтъ, онъ желалъ ему только добра; кромѣ того ему, отцу, горько было сознавать, что все нажитое имъ съ такимъ трудомъ должно пойти прахомъ послѣ неудачной женитьбы сына. Но сынъ—и, вообще, по замѣчанію старика, «непутевый человекъ»¹⁾—вмѣсто того, чтобы подчиниться ему, его родному отцу, завелъ съ нимъ ссору, и ссора эта длится теперь уже 2 года и всѣ отъ нея страдаютъ. Наконецъ, на Петровъ день онъ пришелъ и такъ-таки прямо и заявилъ, что онъ убьетъ и его и Мавру за то, что они мѣшаютъ ему жить такъ, какъ онъ хочетъ. И вотъ съ тѣхъ поръ они начали «опасаться, какъ бы чего не было». На улицу онъ съ дочерью сталъ показываться какъ можно рѣже; старикъ выдумалъ особенные запоры; ложась спать, они клали себѣ подъ голову по топору. На вопросъ, ушелъ ли Иванъ тотчасъ-же послѣ ссоры въ Москву или еще оставался нѣкоторое время въ деревнѣ,—старикъ отвѣтилъ неувѣренно: «разъ какъ то, сказалъ онъ, я въ окно его увидѣлъ—словно бы онъ, а словно и не онъ». Но Мавра по этому поводу

¹⁾ По словамъ односельчанъ, Иванъ, напротивъ того, скромный, работающій человекъ; служить въ Москвѣ на хорошемъ мѣстѣ; вина почти не пьетъ; до послѣдняго времени чуть не все свое жалованье отдавалъ отцу.

тотчас-же и весьма картинно рассказала, какъ однажды ночью ей что то не спалось; она выглянула въ окно—и видитъ, какъ какіе-то двое мужчинъ подошли къ ихъ избѣ и стали что-то смотрѣть на стѣны; наконецъ, одинъ изъ нихъ сказалъ: «нѣтъ,—не эта», и они оба скрылись; пусть подъ ней разверзнется земля, пусть она не сойдетъ съ этого мѣста, если эти двое не были подосланы братомъ, чтобы убить ихъ съ отцемъ; она знаетъ даже что, именно, они искали на стѣнѣ; на избѣ должно было быть написано— «№ 4»; «а братъ-то, замѣтила она, должно быть въ потьмахъ ошибся, да написалъ не на той избѣ». Въ такомъ страхѣ они прожили нѣблизко мѣсяца Старикъ сталъ по временамъ испытывать судороги въ ногахъ и ощущение онѣмѣнія въ рукахъ, да все молчалъ. А когда онъ однажды сообщилъ объ этомъ дочери, то у нея оказались онѣмѣвшими не только руки, но и ноги и все туловище, наконецъ. Однажды у нихъ, у обоихъ, вдругъ отнялся языкъ: «спрашиваетъ меня Маврунька о чемъ то—разсказываетъ старикъ— а я и хочу отвѣтить, да не могу: языкъ не слушается; смотрю—и у нея языкъ отнялся; такъ мы столбами другъ на друга и глядимъ». Въ это-же время у старика появилася какая-то сонливость и «остолбенѣли глаза» (исчезло миганіе). Явленій этихъ у Мавры не было.

Наконецъ, въ августѣ, сынъ появился въ деревнѣ снова и черезъ нѣсколько дней ушелъ обратно въ Москву. Старикъ и тогда думалъ, что онъ приходилъ неспроста; и, дѣйствительно, предположеніе это, по его словамъ, вскорѣ оправдалось. Однажды за обѣдомъ старика поразилъ какой-то особенный видъ хлѣба; онъ попробовалъ съѣсть кусочекъ и тотчасъ-же послѣ этого почувствовалъ жженіе въ области желудка. Сказалъ онъ объ этомъ дочери, которая сначала не обратила вниманія; но послѣ обѣда, работая въ полѣ, вдругъ ощутила такую боль въ области желудка, что, «не помни себя», прибѣжала домой и «какъ безумная начала кататься по постели». Послѣ этого старику уже стало ясно, что въ хлѣбѣ была отравя. Вечеромъ ихъ обоихъ вырвало. На другой и въ слѣдующіе затѣмъ дни повторилось то-же самое: поѣдать картошки—ихъ вырветъ, отвѣдаютъ капусту—то-же. Еще дольше другихъ припасовъ держалась капуста, но и она, по наблюденію старика, стала теперь давать какой-то подозрительный красный сокъ (тутъ Мавра перебила отца и съ живостью замѣтила: «это сначала сокъ былъ краснымъ, а теперь—еще того хуже: онъ почернѣлъ весь отъ отравы»).

Съ теченіемъ времени, благодаря подсыпанному яду, уже буквально, по ихъ словамъ, всѣ припасы подверглись порчѣ: хлѣбъ у нихъ оставался еще пригодный, а нынѣшній пока не тронуть, картофеля—220 мѣръ, капусты и проч. припасовъ—«я въ 10 лѣтъ не съѣсть»; но все это теперь никуда не годится, все перепорчено, все отравлено; нѣкоторые продукты, по ихъ мнѣнію, облиты керосиномъ пополамъ съ ядомъ, и если ихъ отвѣдать, то смерть, по ихъ глубокому убѣжденію, наступитъ моментально. Старикъ думаетъ, что у него и въ избѣ и на усадбѣ «нѣтъ самаго махонькаго мѣста, которое бы не было обсыпано и облито ядомъ: во всѣ щели окаанный (т. е. сынъ) закихалъ его». А Мавра добавила, что и скотина вся и птица отравлены, и теперь не остается ничего другого, какъ продать

или перерѣзать всю живность. Такимъ образомъ, хотя принасовъ разныхъ у нихъ теперь и много, но употреблять ихъ въ пищу нельзя; поэтому приходится покупать хлѣбъ и картошку на сторонѣ, да притомъ такъ, чтобы голько хватило на разъ, потому что, если купить съ запасомъ, то весь этотъ запасъ оказывается тотчасъ-же отравленнымъ; пробовали они покупать зерно и отдавать его молотъ, но ничего путнаго изъ этого не вышло: утромъ муку, положимъ, привезутъ, а уже къ вечеру она вся оказывается отравленной. И, главное, ничего не подѣлаешь съ этими отравителями: ужъ какіе засовы и замки не придумывалъ старикъ—злодѣи успѣвали какъ то проникнуть черезъ всѣ замки и притомъ такъ, что цѣлость ихъ нисколько не страдала. Иногда по ночамъ старикъ, чутко сняцій, слышалъ какой то стукъ, но «кто-жь знаетъ—въ раздумьи замѣчаетъ онъ—можетъ быть, это—лихіе люди, а, можетъ быть, это телята стучать» (въ избѣ, за печкой, дѣйствительно, помѣщаются двое телятъ). Что-же касается Мавры, то она однажды вечеромъ, выдаивая коровъ, услышала, что кто-то покашливаетъ въ сѣняхъ избы, причемъ голосъ былъ очень похожъ на голосъ брата; потомъ, на лѣсенкѣ, которая спускается во дворъ, показался чей то силуэтъ; увидавъ это, она вбѣжала въ сѣни, тщательно осмотрѣла всѣ углы, при чемъ замѣтила, что дверь на улицу была заперта на замокъ; потомъ такъ же тщательно осмотрѣла она избу, но и тутъ она не нашла никого: черезъ нѣсколько времени пришелъ отецъ, и когда на ея вопросъ—входилъ ли онъ въ избу?—отвѣтили отрицательно, тогда ее «взяла такая оторонь что зубъ на зубъ не понадалъ». Былъ ли это братъ Иванъ или кто нибудь другой—она рѣшить не беретя: положимъ, въ это время онъ долженъ былъ быть въ Москвѣ, но, можетъ быть, онъ, дойдя до станціи, вернулся задворками назадъ въ деревню. Выслушавъ очень внимательно рассказъ дочери, старикъ помолчалъ немного и потомъ рѣшительно объявилъ, что «это былъ не иначе, какъ сосѣдъ»; никого иного, какъ его, Мавра видѣла тогда ночью въ окно, когда онъ съ кѣмъ-то еще другимъ подходилъ къ ихъ избѣ съ цѣлью убить ихъ; онъ же портить имъ и теперь всѣ припасы, отравляетъ скотину и проч.; старикъ напоминаетъ теперь, что когда-то очень давно у нихъ съ сосѣдомъ былъ споръ относительно усадебныхъ границъ—споръ, который рѣшенъ былъ не въ пользу сосѣда,—теперь онъ и мститъ ему; не кто другой, какъ именно этотъ сосѣдъ, подкупленъ сыномъ убить его съ дочерью, отравить ихъ, «изжить съ бѣла-свѣта». Эту догадку отца Мавра подтвердила самымъ рѣшительнымъ образомъ: понятно, никто другой, какъ сосѣдъ, и быть не могъ: она видѣла его не такъ давно проходящимъ мимо ихъ избы съ керосинкой въ рукахъ—это онъ шелъ «не иначе, какъ портить хлѣбъ». Какъ бы то ни было, но, по словамъ старика, положеніе ихъ съ дочерью теперь безвыходно: «остается ужъ ничего и въ ротъ не брать». А за послѣднее время отрава коснулась и питья: внутри самовара со стѣнокъ отваливаются какіе-то куски и, растворяясь въ водѣ, придаютъ ей непріятный вкусъ—«это и есть самая отрава»—тѣмъ болѣе, что они съ Маврой замѣчали: бывало, какъ попьютъ чаю—такъ у нихъ является тошнота, а потомъ поносъ; что такое «накипь»—они знаютъ, но это не самоварная накипь, а «жугульническая штука». При этихъ словахъ отца Мавра

подбѣжала къ шкафу, вынула оттуда нѣсколько вскрытыхъ, но непочатыхъ четвертокъ чаю и тономъ глубокаго убѣжденія заявила, что и чай весь отравленъ, что она не говорила этого отцу потому только, что не желала его разстраивать, и проч. Та-же исторія послѣдовала и съ сахаромъ, но, когда я взялъ и съѣлъ одинъ кусокъ, то Мавра замѣтила, что этотъ кусокъ «еще счастливъ попался», а весь остальной сахаръ, спрятанный у нихъ въ чуланѣ, тотъ ужъ навѣрное отравленъ—и видъ то у него особенный: матовый, безъ блеска и «какъ будто съ кислотой». На мое замѣчаніе, что все припасы можно будетъ обезвредить и исправить, а пока-что ихъ слѣдуетъ отдать старшей дочери, вдовѣ, которая кстати бѣдствуетъ,—старикъ и особенно Мавра отвѣчали рѣшительнымъ отказомъ. Они не желаютъ отдавать свое добро не изъ боязни, чтобы и другіе отравились тоже («что намъ за дѣло до другихъ—у каждого свой умъ есть»), а потому только, что—«все это наше, нами наживалось, у насъ и должно остаться».

Въ заключеніе старикъ обратился ко мнѣ за помощью: дѣло это надо разслѣдовать; нельзя же оставить безнаказанными негодяевъ, убійцъ и отравителей; есть же и на нихъ управа. Если здѣсь изъ ближайшаго начальства никто не пожелаетъ войти въ ихъ положеніе, такъ они найдутъ дорогу и къ самому Царю. Вѣдь они сдѣлали все, что могли. Пробовали они черезъ третье лицо уговаривать сына, «чтобы онъ бросилъ свои затѣи»; наконецъ, служили—и не разъ—молебны, но ничего не помогало. Страхъ ихъ, наконецъ, теперь дошелъ до того, что они боятся оставаться вдвоемъ и принуждены брать къ себѣ на цѣлый день дѣвочку (8-лѣтн. внучку).

На вопросъ—кому изъ нихъ первому приходятъ въ голову все эти мысли объ убійствѣ, отравѣ и проч.?—старикъ далъ неопредѣленный отвѣтъ, но Мавра съ обычной своей рѣшимостью заявила, что инициатива въ этомъ отношеніи принадлежитъ ей и въ доказательство замѣтила: «говорю то только я одна, а тятенька все больше молчитъ». Что касается старшей дочери, которая живетъ въ той-же деревнѣ, но отдѣльнымъ домомъ, то она не вѣритъ бреду старика и Мавры и считаетъ ихъ за душевно-больныхъ, но высказываетъ она это уже не такъ категорически и, видимо, колеблется. То-же колабаніе замѣтно и у другихъ односельчанъ (напр., у старосты, его семьи и знакомыхъ): ихъ особенно смущаетъ ясность сознанія больныхъ и та страстная настойчивость, съ которой они высказываютъ свой бредъ. Но все вообще разговаривая съ больными, дѣлаютъ изрѣдка слабыя возраженія ихъ бредовымъ идеямъ, въ большинствѣ же случаевъ поддакиваютъ имъ.

Въ виду того, что главнымъ условіемъ для излѣченія подобнаго случая является, какъ извѣстно, раздѣленіе больныхъ, то и было предложено лечь въ Покровскую психіатрическую больницу хотя бы одному изъ нихъ. Но согласія на это ни со стороны старика, ни со стороны Мавры получить не удалось, не смотря на то, что они признавая себя соматически больными, не только не отказывались лечиться (амбулаторно), но даже сами просили не оставлять ихъ и «спасти отъ смертнаго часа».

Въ январѣ 1897 г. они явились въ амбулаторію Покровской больницы съ тѣми-же жалобами на гастрическія явленія, при чемъ и тутъ высказали свой бредъ. Когда Маврѣ предложено было лечь въ больницу, то она послѣ

нѣкотораго колебанія, уже готова была согласиться, но старикъ рѣшительно возсталъ противъ подобнаго предложенія, мотивировавъ это, во 1-хъ, тѣмъ, что оба они душевно здоровы и, во 2-хъ, тѣмъ, что домъ безъ хозяйки остаться не можетъ.

Мѣсяць спустя, въ амбулаторію явилась Мавра и на этотъ разъ безъ отца; по-прежнему она жаловалась на тошноту, бывающую по утрамъ, боль подъ ложечкой, неправильный стулъ, метеоризмъ и головокруженіе. Поцутно было произведено и изслѣдованіе нервной системы, но никакихъ объективныхъ признаковъ ея пораженія констатировать не удалось. Больная жаловалась лишь на бывающія у нея по-временамъ ощущенія онемѣнія въ кистяхъ рукъ, боли въ области межреберныхъ нервовъ, да ощущеніе тяжести въ позвоночникѣ. Въ общемъ, это—субъектъ хорошаго роста и крѣпкаго тѣлосложенія; внутренние органы, за исключеніемъ желудочно-кишечнаго тракта, вполне здоровы; можно лишь отмѣтить нѣсколько сжатый и рѣдкій пульсъ (56—58 уд. въ 1'), цианотичную окраску кожи въ области колѣнъ, локтей и кистей рукъ, живой сосудодвигательный рефлексъ и довольно значительное потоотдѣленіе во время изслѣдованія.

На этотъ разъ, будучи безъ отца, Мавра, хотя и не сразу, дала себя, однако, убѣдить въ томъ, что идеи преслѣдованія, которыя высказывала ей отецъ, а вѣдѣ за нимъ и она,—ложны и составляютъ признакъ душевной болѣзни. Свою бесѣду она закончила словами: «а, можетъ, я и въ самомъ дѣлѣ вродѣ какъ помѣшанная».

Такъ какъ никакія старанія ни со стороны учатскаго врача, ни со стороны знакомыхъ и родственниковъ больныхъ цѣлѣнѣе хотя бы одного изъ нихъ въ психіатрическую больницу дѣлу не помогали, то, недѣлю спустя послѣ посѣщенія Мавры, пришлось съѣздить къ нимъ на домъ, чтобы лично убѣдиться въ ходѣ болѣзни.

Въ состояніи больныхъ за это время произошла перемѣна и, пожалуй, къ лучшему. То, что я наблюдалъ въ первое мое посѣщеніе на дому—рѣзко подавленное настроеніе, чувство страха, постоянное ожиданіе какой то бѣды, фиксация вниманія лишь на занимающихъ ихъ бредовыхъ идеяхъ и при этомъ полный индифферентизмъ ко всему, что не относится непосредственно къ бреду, и, наконецъ, дурное общее физическое состояніе—все эти явленія замѣтно потухли и не бросались въ глаза.

Старикъ и дочь выглядѣли физически лучше; на боль въ области желудка они продолжали еще жаловаться, но, по ихъ словамъ, боль эта является теперь лишь по утрамъ. Старикъ былъ нѣсколько угрюмъ, но далеко не подавленъ; за то Мавра казалась оживленной и веселой. Того чувства страха, который они оба испытывали прежде и который лишала ихъ сна, заставляла крѣпко заператься даже днемъ, чтобы не оставаться однимъ, братъ къ себѣ маленькую дѣвочку—этотъ страхъ теперь уже не мучилъ ихъ. Бредъ остался тотъ-же, но, по своему развитію, онъ не повинулся ни на шагъ впередъ; никакихъ новыхъ бредовыхъ идей за время между первымъ и вторымъ моимъ посѣщеніемъ ни старикомъ, ни Маврой выработано не было; на ряду съ этимъ бредовыя идеи уже не высказывались такъ настойчиво, какъ прежде; даже исчезъ цѣлый рядъ бредовыхъ

идей—идей объ отравленіи. Наконецъ, исторія отношеній старика къ сыну, въ свою очередь, указываетъ на какъ бы начинающееся потуханіе бреда. Оказывается, что на Рождествѣ сынъ приходилъ къ отцу и жилъ у него нѣсколько дней, при чемъ они и спали вмѣстѣ и ѣли изъ одной чашки.

На масляницѣ старикъ опять отправился въ Москву къ сыну за деньгами и также ѣлъ съ нимъ вмѣстѣ. На вопросъ—какъ-же онъ не боялся быть у сына и принимать его угощеніе?—старикъ замѣтилъ, что онъ теперь сталъ осторожнымъ, а если человекъ дѣйствуетъ съ оглядкой и бережетъ себя, то ему нечего бояться. Вообще теперь у старика хотя и нѣтъ того страха передъ сыномъ, какъ прежде, но онъ всетаки продолжаетъ подозрѣвать сына въ злыхъ умыслахъ. Напротивъ, что касается Мавры, то она на этотъ разъ обвиняла брата болѣе увѣренно, чѣмъ въ то время, когда въ амбулаторіи бесѣдовала глазъ-на-глазъ со мною, и очень вѣроятно, что это объясняется присутствіемъ отца, малѣйшій намекъ котораго и раньше она тотчасъ-же возводила на степень достовѣрнаго факта. Характерно также и ея отношеніе къ выписанному мною лѣкарству: Мавра не принимала его, но за нее всѣ порошки (bismut, salicyl. cum natr. bicarbon. et morph.) исправно принималъ старикъ. Гастрическія явленія значительно утихли съ тѣхъ поръ, какъ старика и Мавру удалось убѣдить перестать пить чай изъ самовара и отдать его въ полуду; вѣроятно потуханіе бреда объ отравленіи именно и объясняется ослабленіемъ гастрическихъ явленій. Прѣжній запасъ картофеля, канусты и проч. они такъ и бросили; идея о томъ, что все это заключало въ себѣ отраву, уцѣлѣла и до сихъ поръ. Но пріобрѣтенный ими новый запасъ продуктовъ уже никто, по ихъ словамъ, не портилъ. Впрочемъ, когда я попробовалъ было отказаться отъ предложеннаго угощенія—домашней свинины и хлѣба ихъ собственной выпечки,—то Мавра смѣясь замѣтила, что я разубѣждать то ихъ разубѣждаю, а между тѣмъ самъ боюсь отравы больше, чѣмъ они. Все время разговоръ шелъ въ крайне радужномъ тонѣ; Мавра была весела и много смѣялась.

Мѣсяць спустя состояніе больныхъ представляло уже иную картину. Въ половинѣ поста старику случилось быть на мельницѣ. Пока онъ велъ переговоры съ мельникомъ, въ это время чья-то собака схватила припасенный на дорогу коравай хлѣба и уже начала ѣсть его. Старикъ отнялъ хлѣбъ у собаки и затѣмъ, обрѣзавъ мѣсто съ отпечатками зубовъ, сталъ ѣсть этотъ хлѣбъ самъ. Черезъ нѣсколько дней онъ заболѣлъ—явилась одышка, отекали ноги. Тогда ему припомнился случай съ хлѣбомъ и возникъ вопросъ: не заразился ли онъ бшенствомъ отъ собаки? Это опасеніе онъ сообщилъ Маврѣ. Та подтвердила его догадку самымъ рѣшительнымъ образомъ и, въ свою очередь, чтобы не заразиться бшенствомъ отъ старика, рѣшила ѣсть и пить отдѣльно, что она дѣлаетъ и до сихъ поръ. Почти въ то же время сынъ прислалъ письмо съ извѣщеніемъ, что на праздники онъ не придетъ домой; въ письмѣ старикъ съ дочерью многое не поняли, а какое то выраженіе ввело ихъ въ цѣлый лабиринтъ догадокъ и подозрѣній. Бредъ воскресъ съ прежней силой: старикъ опять заговорилъ о злыхъ козняхъ сына, и Мавра горячо присоединилась къ его словамъ. Все, что случилось съ ними за послѣднее время, подверглось перетолковыванію.

Мавра припомнила, что когда старикъ ѣздилъ на мельницу, къ ней въ избу попросились ночевать какія-то три странницы; вскорѣ послѣ нихъ зашелъ одинъ знакомый съ цѣлюю кушить у старика скотину и тоже остался ночевать.

Передъ сномъ Мавра дала имъ всѣмъ поужинать; поужинавъ, странницы легли тотчасъ-же спать, а знакомый сталъ вести бесѣду съ Маврой; поговоривъ о дѣлѣ и не сойдясь въ цѣнѣ на корову, онъ сталъ спрашивать о ихъ житьѣ-бытьѣ, упрекнулъ между прочимъ Мавру—и, по ея мнѣнію, совершенно несправедливо—въ томъ, что она живетъ съ отцемъ какъ женщина, и въ заключеніе, выслушавъ исторію ссоры старика съ сыномъ, замѣтилъ: «хитры и вы съ старикомъ,—ну да Иванъ (сынъ) похитѣ васъ будетъ. Смотрите—какъ бы вамъ плохо не было». Эта фраза и тогда показалась Маврѣ странной, а теперь она убѣждена, что этотъ знакомый зашелъ не случайно и вовсе не для покупки коровы, что онъ, наконецъ, въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ Иваномъ..... Удивляютъ Мавру также и странницы: все время, какъ онѣ у нея были, онѣ не промолвили ни слова и ушли рано утромъ незамѣтно, не простившись. Все это, вмѣстѣ взятое, нагнало на старика и Мавру прежній страхъ и, характерно, что вмѣсто того, чтобы сплотиться, они рѣшили защищаться каждый особо. Съ этой цѣлюю (въ концѣ марта) Мавра начала спать на дворѣ; въ избѣ-же ночевать она боялась, такъ какъ разъ ночью она явственно слышала, какъ кто-то ходить на чердакѣ и даже земля съ потолка сыпалась; старикъ не придавъ вѣры ея заявленію и оставался спать въ избѣ, зипираясь, однако, на всѣ засовы и запоры. Но, и ночуя на дворѣ, Мавра все ждала, что враги не оставятъ ее и здѣсь въ покоѣ. Вскорѣ ея опасенія оправдались. Разъ какъ-то ночью она услышала, что кто-то лѣзетъ черезъ заборъ, она вскочила и видитъ черную кошку.... Съ тѣхъ поръ явленіе это стало повторяться каждую ночь. Однако, она не такъ глупа, чтобы вѣрить, будто это, дѣйствительно, кошка: кошка и незачѣмъ сюда лазить, да и развѣ кошка можетъ съ такимъ грохотомъ—«пыхтить, стучить сапожниками»—лѣзть черезъ заборъ? Это сосѣдъ, пріятель Ивана, обернулся кошкой.—тѣмъ болѣе, что сосѣдъ, съ тѣхъ поръ какъ узналъ о подозрѣніяхъ на него старика и Мавры, сталъ прямо бранить ихъ при всякой встрѣчѣ, при всякомъ удобномъ случаѣ.

Послѣ Пасхи настоящаго года, во второй половинѣ апрѣля, старикъ явился въ амбулаторію безъ всякихъ жалобъ, но прямо съ просьбой выписать ему тѣхъ порошковъ, которые я раньше выписывалъ Маврѣ и которые, какъ уже было упомянуто выше, принялъ онъ вмѣсто Мавры; при этомъ онъ высказалъ амбулаторному врачу весь свой бредъ о преслѣдованіи со стороны сына.

23-го апрѣля Мавра явилась ко мнѣ съ жалобами на гастрическія явленія и на межреберныя невралгіи. На этотъ разъ, хотя она явилась и одна, въ бредовыхъ идеяхъ не только не проглядывало никакого колебанія, но, повидимому, онѣ значительно укрѣпились въ ея сознаніи. Теперь Мавра уже категорически отрицала свою душевную болѣзнь и лечь въ больницу наотрѣзъ отказалась. Что-же касается отца, то она прямо обратилась съ просьбой помѣстить его въ больницу, мотивируя это страхомъ заразиться

отъ него бѣшенствомъ послѣ того, какъ онъ съѣлъ хлѣбъ отнятый у собаки; бредѣже его она защищала по прежнему ¹⁾.

Описанный случай несомнѣнно относится къ категоріи такъ называемаго, индуцированнаго помѣшательства (folie à deux): двое больныхъ высказываютъ однѣ и тѣ-же бредовыя идеи, подѣ влияніемъ которыхъ они испытываютъ въ одинаковой мѣрѣ чувство страха и совершаютъ одни и тѣ-же поступки. Форма эта, какъ извѣстно, имѣетъ нѣсколько разновидностей, которыя классифицируются слѣдующимъ образомъ ²⁾:

Folie à deux ou à plu- sieurs.	<i>Ложное</i> (Когда нѣтъ никакого сходства въ формѣ болѣз- ни, въ содер- жаніи бреда и т. д.). <i>Истинное.</i> (Когда у больныхъ тождествен- ны бредъ и форма бо- лѣзни).	{ Одинъ галлю- цинируетъ и бредитъ; дру- гой только въ- ритъ и повто- ряетъ его бредъ. }	f. imposée.	}	f. gemellaire и suicide à deux.			
						{ Оба бредятъ и галлюцини- руютъ. }	{ Заболѣваютъ одновременно. }	f. simultanée.
						{ Сначала заболѣ- ваетъ одинъ, а другой потомъ черезъ больший или меньшій промежутокъ времени. }	f. commu- niquée.	
		{ Изъ двухъ душев- но-больныхъ (за- болѣвшихъ неза- зависимо другъ друга и помѣщен- ныхъ въ одну больницу) одинъ влияетъ на дру- гого, видоизмѣ- няетъ его бредъ, навязываетъ ему свой. }	f. trans- formée.					

¹⁾ Помѣстить старика въ больницу однако не удалось.

²⁾ В. Яковенко «Индуц. помѣш.», стр. 106.

Къ какой-же разновидности отнести нашъ случай?

Состояніе больныхъ, о которыхъ идетъ рѣчь, не подходитъ къ формамъ, указаннымъ въ классификаціи, настолько, чтобы можно было съ увѣренностью и вполне опредѣленно сказать, что здѣсь, на лицо такая то разновидность, а не какая либо другая. И старикъ, и его дочь высказываютъ одинъ и тотъ-же бредъ преслѣдованія и отравленія, стимуломъ для проявленія котораго послужила фраза пьянаго сына; затѣмъ всплыли воспоминанія о бывшемъ когда-то спорѣ съ сосѣдомъ и проч.; въ дальнѣйшемъ всѣ явленія стали подвергаться перетолковыванію, и бредъ систематизировался. Кто раньше—старикъ или дочь—началъ создавать бредовыя идеи, выяснитъ со стороны, какъ уже я сказалъ выше, не удалось: больные и безъ того раньше всегда жили изолированной жизнью, а въ началѣ болѣзни эта изолированность достигла крайнихъ степеней. Что-же касается до категорическаго заявленія въ этомъ смыслѣ Мавры (о томъ что, именно, она инициаторъ бреда), то этому едва ли можно придать значеніе дѣйствительнаго факта; за инициатора бреда слѣдуетъ принять старика; по крайней мѣрѣ идея объ отравленіи явилась именно у него—сначала это коснулось пищи, а потомъ и питья; далѣе, подозрѣніе въ участіи сосѣда въ отравленіи высказалъ онъ же первый; наконецъ, даже такое явленіе, какъ внезапно наступившая нѣмота, обнаружилось сначала у него и потомъ уже сообщилось Маврѣ. Въ свою очередь и роль Мавры въ постройкѣ бреда нельзя назвать пассивной; правда, она прямо, безъ всякой критики, принимаетъ идеи отца; но въ то-же время она прибавляетъ къ нимъ и свои идеи, дополняетъ ихъ продуктами своей фантазіи и слабую, иногда неувѣренную догадку отца сразу превращаетъ въ реальный фактъ; старикъ, такъ сказать, набрасываетъ эскизъ, рисуетъ контуръ, остовъ явленія, а дочь расписываетъ ихъ своей фантазіей, даетъ имъ формы и краски. Старикъ по преимуществу интеллектуальная натура, дочь—эмотивная; такимъ образомъ, дополняя другъ друга, они съ такой силой и экспрессіей выдвигаютъ

свой бредъ, что даже, несмотря на явную его нелѣпость, колеблють окружающихъ ихъ лицъ. Слѣд., въ данномъ случаѣ, придерживаясь вышеупомянутой классификаціи, и старикъ и дочь „оба бредаютъ“. Оба ли галлюцинируютъ?—это вопросъ. Даже является сомнительнымъ все то, что рассказывала Мавра (подходившіе ночью къ избѣ люди, сидѣтъ мужчины въ сѣняхъ и проч.)—признавать ли все это за галлюцинаціи или нѣтъ? Что-же касается старика, то уже выше было сказано, что относительно существованія у него галлюцинацій данныхъ добыть не удалось. Болѣе вѣроятно предположить, что у Мавры были зрительныя и слуховыя иллюзіи, напр., покашливаніе будто бы брата въ сѣняхъ, сидѣтъ мужчинъ и проч. Для опредѣленія разновидности folie à deux имѣетъ значеніе также и то обстоятельство—заболѣли ли оба одновременно или который нибудь раньше другого? Какъ уже было сказано, свѣдѣній на этотъ счетъ отъ постороннихъ лицъ добыть не удалось. Но а posteriori съ большей или меньшей вѣроятностью можно думать, что заболѣлъ сначала отецъ и, можетъ быть, *очень скоро вслѣдъ затѣмъ* и дочь; вотъ почему окружающіе и не могли замѣтить, кто раньше началъ „заговариваться“.

Такимъ образомъ, если бы потребовалось данный случай непремѣнно подвести подъ ту или иную разновидность folie à deux, то скорѣй всего его надо бы было назвать folie communiquée. Если болѣе или менѣе вѣроятно предложеніе, что Мавра заболѣла послѣ своего отца, если она была „индуцирована“ имъ то весьма интереснымъ представляется вопросъ—каковы были условія, которыя предрасположили Мавру къ заболѣванію однородному съ отцемъ? На этотъ вопросъ данный случай, какъ кажется, въ состояніи дать болѣе или менѣе опредѣленный отвѣтъ. Предрасполагающими условіями тутъ были: 1) неразлучная съ момента рожденія жизнь Мавры съ отцемъ и та особенная близость къ нему, въ которую она по необходимости встала, какъ хозяйка дома, послѣ смерти матери; 2) сходство во многихъ чертахъ ея характера (скудность, подозрительность, недовѣрчивость) съ характеромъ отца; 3) прав-

доподобность бредовыхъ идей отца, имѣвшихъ своимъ толчкомъ дѣйствительно сказанную сыномъ фразу; 4) преобладаніе эмотивнаго элемента надъ интеллектуальнымъ; 5) появленіе одинаковыхъ и въ одно и то же время, какъ и у отца, гастрическихъ явленій, что, такъ сказать, само наталкивало на созданіе бреда объ отравѣ.

Въ виду того, что больныхъ изолировать другъ отъ друга не удалось, предсказаніе въ смыслѣ излѣченія болѣзни едва ли можетъ быть благопріятнымъ. Кромѣ того, за послѣднее время больные опять начинаютъ жить строго замкнутой жизнью; болѣзнь ихъ длится уже около $1\frac{1}{2}$ лѣтъ; бредъ, даже у Мавры, приобрѣлъ характеръ систематическаго бреда преслѣдованія; наконецъ, въ виду отказовъ отъ пищи, у обоихъ ухудшеніе питанія прогрессируетъ. Все это, разумѣется можетъ повести лишь къ дурному исходу болѣзни. Что касается лѣченія, то въ данномъ случаѣ приходилось направлять его прежде всего противъ гастрическихъ явленій; затѣмъ (у старика) имѣется въ виду попытка хотя бы нѣсколько ослабить сифилитическую кахексію.
